

УДК 130.2

А.П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053.**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ ПОСТМОДЕРНА**

Анализируются логические возможности различных направлений постмодернизма, автор отмечает действия, необходимые для построения методов, которые блокируют появление разнovidностей постмодернизма.

Ключевые слова: *постмодернизм, «поверхность», методологический надлом, истина, дискурс.*

Философия постмодернизма с полным основанием может рассматриваться как весьма специфический результат сложной философской эволюции XX столетия. Сложности возникают уже в момент осуществления адресно-квалификационной задачи указанного направления. Оказывается, далеко не с полной очевидностью под постмодернистский таксон могут быть отнесены те или иные философские разработки, которые принадлежат разным авторам, работавшим в разное время и обращавшимся к постмодернистской тематике по разным мотивам. В современной монографической литературе, как нам представляется, отсутствует более или менее четкий критериальный подход к определению теоретической базы постмодернизма, которая бы репрезентировалась творчеством четко определенной когорты специалистов [1, с. 217]. Обычно, постмодернистский «пул» обозначают именами Деррида, Барта, Фуко, Лукана, Батая, Ротри и др. Всех этих специалистов весьма условно объединяют общим родовым термином «постмодернисты», хотя, строго говоря, они принадлежат весьма отдаленным друг от друга философским направлениям. Например, французских представителей – М. Фуко или Р. Барта – довольно часто ассоциируют со структурализмом, а, скажем, Р. Ротри нередко воспринимается как адепт американской аналитической философской школы. Остальные постмодернисты также репрезентированы достаточно прихотливо: так Деррида связывают с философией деконструкции, а Батай отнесен к основоположникам конструкционистского направления, объединяющего в себе элементы экзистенциализма, структурализма и феноменологии одновременно. Можно, по всей видимости, утверждать, что сегодня единообразная теоретическая и методологическая база постмодернизма отсутствует. Она испытывает значительные эклектические влияния со стороны практически всех школ и направлений современной западной философии: от аналитической философии до различных модификаций экзистенциализма. И весь этот материал густо замешан на психоанализе и феминизме. Проблема «смеси» здесь состоит не в сложности выделения и поименной характеристики каждого выделенного элемента, хотя и здесь каждая отдельная задача отнюдь не тривиальна – попробуйте, например, выделить «элементный» состав, скажем, Р. Ротри, а в определении тех или иных предметных намеков, ассоциаций, участвовавших в рождении той или иной постмодернистской мыслительной конструкции. Нередко они являют собой плод эмотивного отношения либо сложно организованной реминисценции, скользкие по поверхности жизненных восприятий автора. Принципиально важной здесь является категория «автономная поверхность», которая не редуцируется ни к каким-то определенным субстанциональным основам, ни к заключенным в сознании знаковым идеям. Постепенно идея понятия «резомы» превращается в своеобразный системный центр постмодернистских трактовок, обретая два интерпретационных канала, ведущих к двум очень удаленным друг от друга философским авторитетам – к Платону и Ф. Ницше.

Платон в постмодернизме ассоциируется с ролью проводника, своего рода Вергилия, вводящего вас в царство вечных идей. Цель философствования в этой связи непосредственно связывалась с катарсисом, с особым, экстатическим переживанием непосредственно самого акта, ведущего к самопознанию, к высшему слиянию с верховной правдой мироздания. Не исключено, что именно платоновские мотивы творчества, особенно ранних постмодернистов, сообщили ему такое культурологическое очарование и притягательность, соединенное с прямым намеком на солидный фундамент изначальных позиций.

Если платоновские веяния в постмодернизме улавливаются скорее косвенно, то ницшеанское начало закреплено чуть ли не на цитатном уровне. Если обратиться в качестве примера к дилезовским текстам, то мы без особого труда обнаружим едва ли не прямые заимствования у Ф. Ницше, когда речь заходит о способах существования человека, философских идеалах, общих оценках философского познания. Как известно, ницшеанская критика традиционалистских воззрений философии была непосредственно связана с ее стремлениями видеть и судить мир с позиций высших ценностей Разума, объявляя сократическую любовь к мудрости самоценной установкой культуры.

В тот момент, когда философия устремлялась к этой цели, она, по мнению постмодернистов, утрачивала свою «самость».

С тем, чтобы вывести ее из тупика, формировался иной облик философствующего субъекта, пришедшего к необходимости отрицания любого диктата со стороны разума и прежде всего, элиминировалось аксиологическое влияние незыблемых, казалось бы, идеальных сущностей культуры. Человеческое измерение теперь прочно связывалось с его способностью проникать в запретные для традиционной жизни области, которые и предполагалось исследовать, как это ни парадоксально, с помощью того же разума. Однако для раскрытия запретных тем потребовалось определить их границы, т.е. с помощью разумных действий очертить сферу бессознательного, заключающую в себе проявления инстинктов, погруженных в тьму асоциальности, безумия, насилия и откровенного секса. Ницше не сомневался в том, что ему удалось заложить основы новой философской парадигмы, навсегда покончившей с заблуждениями сократической традиции, связанной с истовой верой в конструктивные, творческие интенции разума.

Несмотря на впечатляющую атаку Ф.Ницше на философский классицизм, все же канон ницшеанства не стал основополагающим тезисом постмодернизма, поскольку последний предъявил потрясателю основ традиционной социальности длинный перечень претензий. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что главная идея критики Ницше заключалась в том, что он все-таки остался на позициях субстанционального понимания мира, не сумев реализовать собственно постмодернистский принцип анализа действительности с поверхности. Трудно сказать насколько принципиальным явилось это расхождение во взглядах постмодернистов и Ницше, но очевидно одно, а именно: по сути Ницше был квалифицирован, как мыслитель, не способный порвать окончательно с философским традиционализмом и перейти безоговорочно на позиции принципа «резума». Особо болезненно воспринимались попытки Ф.Ницше, пусть и очень осторожные, критически отнестись к взгляду на мир, осуществленный с «поверхности».

Поэтому философская парадигма классика, освященная именами Платона и Гегеля, была признана постмодернизмом безнадежно устаревшей. Потребовалось радикально переустроить вселенную философа, в связи с чем произошел полный разрыв с традиционным субстанциональным мировосприятием, основанным на органическом ощущении присутствия сущностных начал мира идеального и телесного.

Вместо привычной системы координат мира было предложено новое понимание мироустройства, принципиально не согласующееся с достижением большей или меньшей степени объяснения и понимания мира, а представляющее собой лишь мимолетный след на поверхностно-отфанный реальности, где уже нет ни высоты полета, ни глубины прозрений, а только прихотливый узор сиюминутно возникающих аллюзий.

Строго говоря, подобный взгляд на мир не являлся чем-то принципиально новым и уже был представлен в культуре, пусть и несколько по-иному, в античное время. Античные корни уходят вглубь стоической кинической школ, исповедовавших логику запрета на чистоту субстанциональной представленности сущего. Полноту в данный сюжет внесет Пиррон, наложивший табу скептицизма на любые философские изыскания истины. Главным здесь являлось представление о мире как смеси вещей и понятий. Практически полностью утрачивала способность к производству и осуществлению любой ценностной иерархии, и в этом смысле «отменялись» любые этические и эстетические констатации.

Последовательно отстаивая принцип «поверхности», ранний постмодернизм был вынужден объявить его не только единственным констатирующим бытие, но и смыслообразующим фактором. Любопытна траектория постмодернистской мысли: если кто-то скользит по «поверхности», то только ему и доступна функция смыслообразования. Исключить смыслообразование как таковое постмодернизм не может и не хочет, видимо, потому, что останавливается в бессилии перед грозным тезисом о всеобщем извращении, так как в таком виде ни синхронно, ни диахронно «вписать» себя в культуру не возможно. Возникает сложнейшая задача собственного соотнесения с ранее существовавшими философскими школами направлениями.

Заложенная еще Платоном традиция «очарованного странника», пробирающегося в мир высшего блага, должна быть согласно постмодернизму, преодолена философией и вместо постепенного гипостазирования нужно безоглядно отдаться Случаю, который только и определяет, если о таковой процедуре имеет вообще смысл говорить, все в этом мире.

Фрейд и Ницше лишь обозначили, а современные постмодернисты М. Фуко, Ф. де Соссюр и др. осуществили логически-необходимый шаг в сторону номинализма. Он, в известном смысле, был внутренне-необходим и запрограммирован логикой духовных исканий постмодерна. Последовательная защита принципа «поверхности» приводила к опровержению традиционно-аналогового способа мышления, основанного на допущении того, что логика вещей определяет логику понятий. В любой констатации – научной, политической, религиозной и т.д. – не может и не должно быть так называемого объективного содержания. Следовательно, аутентичность наших языковых, т.е. осмысленных,

высказываний о различных сторонах мира мифологична. Отсюда, вытекает главный вывод о том, что истина – это мираж и все пространство «знания» заранее проструктурировано языком, связь которого с действительностью ни исторически и ни феноменологически не возможна.

Так, Р.Порти прямо говорит о том, что мир нем, и «сообщить» нам о себе ничем не может. Возникает иллюзия текстового, «объективного» содержания знаний, но текст имеет отношение только к другому тексту, созданному людьми. Тексты «перекликаются» между собой, могут увлечь нас, но передать истины объективного знания не могут.

Если сохранять верность принципу «поверхности», то постмодернистская мысль может вырождаться в некую комбинацию эмотивно окрашенных суждений о состояниях мира и себя, которые и аксеологически и семантически бессодержательны и неранжированы.

Поэтому постмодерн обращается за интеллектуальной помощью к аналитической философии. У Витгенштейна был заимствован тезис о создании смыслового начала текста в процессе его сотворения. И хотя языку, тем не менее, было отказано выполнять связующую, смыслообразующую роль между вещами и человеком, было признано, что все же истины творятся людьми, поскольку последние обладают способностью (для постмодернистов, впрочем как и для аналитиков, не явной и не ясной) генерировать истиносодержащие утверждения.

Получалось, что все утверждается мир принципиальной бессмыслицы, потому что осмысленно генерируете это утверждение. По сути дела, не желая того, деятели постмодерна оживили стародавний античный парадокс «Лжеца», который для них оказался более губительным, чем для предшественников. Поневоле вспоминаются классические строки из Библии: «Время собирать камни...»

Справедливости ради следует отметить и антинормативные поползновения постмодерна, которые зиждились на эпистемологической вседозволенности, в результате которой оставалось только обыденщину воспринимать в качестве «последнего основания», которого тоже по определению уже не существовало. Оставалось одно – свести все к миру фактов и закончить дни своея, скользя по поверхности их неочевидной представленности.

Вероятно, неслучайным, является тот факт, что процедурно-эпистемологический мотив превратился, в частности у А.Берсона и М.Мерло-Понти, во всеобъемлющую онтологическую констатацию, согласно которой все бытие утратило статус универсального, всеобъемливающего начала, содержащего в себе некие абсолютные зерна. Оно понималось даже не в духе гераклитовского релятивизма, а окончательно лишилось своих «родовых», предзаданных характеристик, превратившись в некое аморфное, принципиально невыразимое средствами языка начало. Именно в этой точке неясное чувство и ощущение окончательно побеждают разумное начало. Нет и не может быть каких-то отличительных признаков у разных дисциплинарных текстов, сами они, как таковые, – историко-философские, этические, эстетические – не есть пространство логики и грамматики. Мысль отправилась в путешествие без определенной цели и направления в мир сказанности и вседозволенности, случайных состояний, граничащих с полной анархией.

Философское пространство сжимается постмодерном до скромных размеров литературоведческого эссе, т.к. основной метод философии представляется чем-то вроде лингвистических упражнений на свободно заданную тему, полностью очищенных от философски-традиционных аналитик контрапозиций бытия и мышления в стиле И.Канта. Доминантным объявляется «новый» гносеологический императив: «Я так вижу!»

Он был воспринят для того, чтобы покончить с унижающей человеческое достоинство зависимостью от авторитарного бытия, бессмысленностью поклонения тому или иному идолу, а завершился провозглашением интеллектуального пространства культуры свободной от нее самой. Сам по себе постмодернизм представляет собой не столько теоретическую конструкцию, сколько, на наш взгляд, определенное состояние сознания, подогреваемое чувством собственной исключительности. В нем практически отсутствует начало креативности, поскольку невозможно представить существование постмодернистской критики или любого иного определенного состояния.

Тем удивительней предстает то обстоятельство, что в нашей культуре, весьма длинной по своим базовым идеям, от подобных умозрений, сложился феномен довольно близко производящий рассмотренную логику, точнее говоря, мотив ее принципиального отсутствия. Речь идет о работах М.К.Мамардашвили, не утративших свою популярность и сегодня. Характерным для него приемом, на первый взгляд безобидным, является ограничение предметной области философского исследования процессом мышления самой мысли [2, с. 355]. Отметим, что так же как и уже рассмотренные деятели постмодерна, М.К.Мамардашвили начинает отнюдь не с белого листа. Уже в начальной постановке вопроса о природе бытия угадываются парменидовские идеи представить бытие средствами отрицательной логики. Оно объявляется нетождественным комплексу наличных эмпирических фактов и может быть воспринято в зазоре между зависшим «над пропастью мироздания сознанием и полным равнодушием и отстраненностью естественных процессов мира по отношению к человеку. Эдакое своеобразное «прочтение» ломоносовских строк: «Открылась бездны звезд полна, числа нет звездам,

бездне – дна». Пока здесь, если что и улавливается, то известная близость философской позиции нового понимания исходным тезисам экзистенциализма. До постмодерна еще очень далеко, но движение в этом направлении уже началось и осуществляется неизменно. Размеры данного изложения не позволяют детально проследить заявленную эволюцию взглядов М. Мамардашвили, но хотя бы ее контур попробуем проследить. Все начинается с дихотомии понятий «мыслить» и «думать», вернее с установления различий между их внутренними кальками. Внешне одно абсолютно напоминает другое, но тогда возникает вопрос о природе различия. Действительно, мысль рождается из душевного потрясения, а отнюдь не «следует» из внешних стандартов стереотипов мира. Сам факт внутренней потрясенностью от соприкосновения с чудовищной, нечеловеческой масштабностью бытия неизбежно влечет за собой беспредметность мысли. Она перестает, как таковая быть элементом индуктивной логики и хоть в какой-то мере соответствовать логике вещей. Таким образом, элиминируется объективный маркер процесса, и он полностью отдается во власть чистых форм, тогда становится возможным думать, не мысля и... мыслить не думая. Если первая часть рассуждения довольно широко комментируется М. Мамардашвили, то вторая замалчивается [2, с. 320-322].

Как нам представляется, процесс соскальзывания рассуждений грузинского мыслителя в бездну постмодернизма начинается с рассмотрения вопроса о природе бытия и о возможности его логической интерпретации. Он вполне логично разводит эмпирический и всеобщий характер бытийственности на том простом основании, что первое – это нечто иное, чем второе. Из различия указанных оснований выводится представление о том, что засвидетельствовать встречу со всеобщим можно только, приняв потрясение, которое нам дано не в эмпирических фактах ощущений сиюминутности и суетности, но рождается в трудноосязаемых чувствах «отрешенной тоски». Незаметно, на глазах рождается принцип постмодернистской «поверхности», когда предлагается не просто новый векторный взгляд на «бездну» – его можно менять, согласно структурализму «сверху – вниз» либо наоборот, а закрепляется принципиально свободный от всяческого ограничения статус «бунтующего человека». Если в первом случае сохраняется хотя бы упорядоченность «верха» и «низа», то во втором – ничего. Мысль, как таковая превращается в нечто неопределенное, никоим образом не сопряженное с логикой вещей образование. Невольно напрашивается аналогия с известной поэтической строкой: «И мысль бесплотная в чертог теней вернулась».

Мысль сознательно или бессознательно, выводится за границы достоверности и, следовательно – вот он позитивистский, не артикулируемый шаг! – объявляется территорией свободной от логики. Теперь уже не страшно, как говорил Ф. Ницше, «холодные удары силлогизмов», а можно отдалиться целиком сложной ассоциативной игре, полностью раствориться в мире литературных фантазий. Пожалуй, самое главное, что здесь достигается – это полная свобода от требования продуктивности мышления, а, следовательно, и любых форм социального контроля над ним.

Возникает парадоксальная ситуация. Постмодерн, возникнув как определенная система взглядов и умонастроений, стремится к тому, чтобы самоопределиться в процессе формирования духовного производства, но для осуществления этой задачи ему приходится аннигилировать пространство культуры, т.е. невольно возбуждать логику самоуничтожения. Наверное, не случайно А. Солженицын, которого можно обвинить во всех грехах кроме ортодоксальности, обронил в адрес постмодерна не очень лестную характеристику «безжизненной» схемы. Постмодерн, таким образом, находится в состоянии острого неприятия логики, вообще любого рационального посыла и в этом отношении является весьма опасным для воспроизводства интеллекта. Он, по сути, являет собой опухоль сознания, отнюдь не доброкачественную, которая может быть антипродуктивной, особенно для таких социальных институтов общества, как система образования, в которых «обращается» молодежный интеллект, не обладающий в достаточной мере искушенностью и защищенностью.

Речь идет не о дежурных темах обуздания, разгулявшейся в игровом задоре, постмодернистских фантазий, посетивших ту или иную голову – мы чтим и уважаем принцип идейного плюрализма – речь об ином. По всей видимости, пора на деле в высшей школе разработать и процедурно представить проект своего рода антивирусной защиты развивающегося интеллекта от постмодернистских искусов, который не посягает на свободу воли, но лишь гарантирует и закрепляет родовое право человека на мысль и ее исследование, а не только на способность переживать радости от очередной «дешифровки реальности».

Библиографический список

1. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 3-х т. Т. 3 / Д. Антисери, Дж. Реале. — СПб.: Академия, 1997. — С. 217.
2. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

Поступила в редакцию 30.06.2009 г.